

Л.В. Суханова

Коровьев / Фагот

КОРОВЬЕВ, он же ФАГОТ, — один из спутников Воланда, «гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый... пиджачок... Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ невероятно, и физиономия... глумливая» — таким Коровьева увидел Берлиоз, отметивший, что «усишки у него, как куриные перья, глазки маленькие, иронические и полупьяные, а брючки клетчатые, подтянутые настолько, что видны грязные белые носки». Вдобавок ко всему, на носу у Коровьева «явно не нужное пенсне, в котором одного стекла вовсе не было, а другое треснуло».

В дальнейшем Коровьев фигурирует в повествовании чаще всего даже без имени, а как безымянный «длинный клетчатый в треснувшем пенсне», «развязный клетчатый», «клетчатый гаер» и просто «клетчатый». Воланд называет Коровьева «любезный Фагот», тогда как остальные персонажи романа не в состоянии понять, кто же такой Коровьев в действительности («Маг, регент, чародей, переводчик или черт его знает кто на самом деле...»).

У Коровьева «дребезжащий тенор», однако с Воландом он говорит «очень чистым и звучным голосом». Так же, как и его облик, постоянно меняется и лексикон Коровьева. Он может прибегать к помощи утрированного просторечия («Поздравляем вас, гражданин, соврамши!»), пользоваться книжной речью («Увы, не нам, не нам, — грустно заговорил Коровьев, — а ему достанется эта ледяная кружка пива, о которой мы, бедные скитальцы, так мечтали с тобой...») или выражаться с претензией на «изысканность» мещанского пошиба («Уй, мадам... натурально вы не понимаете. Насчет же заседания вы в полном заблуждении»), но в любом случае это всегда — «кривлянье и фиглярство».

Совсем иначе ведет себя Коровьев с теми, кто заслуживает уважения. К Воланду он всегда обращается серьезно и почтительно, с Маргаритой говорит, хотя и шутливо, но по-дружески. Коровьев «понравился Маргарите, и трескучая его болтовня подействовала на нее успокоительно».

Именно Коровьеву поручает Воланд самые ответственные дела. Коровьев проводит в Варьете сеанс черной магии, осыпая публику денежным дождем (на следующий день даровые червонцы превращаются в бутылочные этикетки). Он же открывает на сцене дамский магазин, предлагает женщинам поменять свою одежду на модную заграничную — а по выходе из театра разгорается скандал: все, кто воспользовался услугами Коровьева, оказываются в одном белье.

Представившись «регентом», Коровьев «организовывает» кружок хорового пения в филиале зрелищной комиссии. Он умоляет служащих «грянуть “Славное море”». Грянули. И славно грянули». Регент уже испарился, а филиальцы все не могли остановиться и пели, пели против желания. «Помолчат минуты три и опять грянут. Помолчат — грянут!»

Коровьев сопровождает Маргариту на балу у сатаны, характеризует гостей, руководит поведением Маргариты во время приема. Здесь Коровьев серьезен, хотя порой и может дружески пошутить.

Похождения Коровьева и Бегемота в Торгсине и в доме Грибоедова заканчиваются пожаром, дотла истребившим оба здания. «Я помогал пожарным, мессир», — пояснил Коровьев Воланду, указывая на разорванные брюки. «Ах, если так, то, конечно, придется строить новое здание».

В Торгсине же Коровьев произнес «глупейшую, бестактную и, вероятно, политически вредную речь», которая, «как это ни странно», у очень многих вызвала сочувствие. «Граждане! – вибрирующим тонким голосом прокричал он, – что же это делается? Ась? <...> Бедный человек целый день починает примуса; он проголодался... а откуда же ему взять валюту? <...> Он истомлен голодом и жаждой! Ему жарко. Ну, взял на пробу горемыка мандарин. И вся-то цена этому мандарину три копейки. И вот они уж свистят, как соловьи весной в лесу, тревожат милицию, отрывают ее от дела. А ему можно? А? – и тут Коровьев указал на сиреневого толстяка, отчего у того на лице выразилась сильнейшая тревога, – кто он такой? <...> Конечно... он, видите ли, в парадном сиреновом костюме, от лососины весь распух, он весь набит валютой, а нашему-то, нашему-то?! Горько мне! Горько! Горько!»

И тут «произошло чудо». Приличнейший тихий старичок, одетый бедно, но чистенько, вдруг преобразился. «Глаза его сверкнули боевым огнем, он побагровел, швырнул кулечек с пирожными на пол и крикнул: “Правда!” Затем он выхватил поднос, сорвал с иностранца шляпу, ударил его подносом по голове. Иностранец сел в кадку с керченской сельдью и на чистом русском языке закричал: “Убивают! Милицию! Меня бандиты убивают!” – очевидно, вследствие потрясения, внезапно овладев до сих пор неизвестным ему языком».

Когда же милиция появилась, коварный Бегемот окатил бензином из примуса прилавок, отчего тот вспыхнул «сам собой». Очевидцы впоследствии рассказывали, что «будто бы оба хулигана взлетели вверх под потолок и там будто бы лопнули оба, как воздушные детские шары».

Исчезнувшие приятели тут же оказались у писательского дома (дом Грибоедова) и хотели было пройти в ресторан, но туда пропускали лишь обладателей писательских удостоверений. «Чтобы убедиться в том, что Достоевский писатель, неужели же нужно спрашивать у него удостоверение? – вопрошал Коровьев. – Да возьмите вы любые пять страниц из любого его романа, и без всякого удостоверения вы убедитесь, что имеете дело с писателем»

При входе в ресторан Коровьев называет себя Панаевым, а Бегемот — Скабичевским, однако же в книге посетителей Коровьев против фамилии Панаев написал Скабичевский, а Бегемот поставил подпись Панаева против Скабичевского.

Наслаждаться обедом им пришлось недолго. «На веранду стремительно вышли трое мужчин с туго перетянутыми ремнями талиями, в крагах и с револьверами в руках» и открыли стрельбу, целясь в головы Коровьева и Бегемота. Оба приятеля тотчас же растаяли в воздухе, а из забытого Бегемотом примуса ударил столб огня, и столб этот пошел внутрь дома.

Вместе с Воландом Коровьев покидает землю, постепенно изменяя свой облик. «На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотой цепью повода, темно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом. Он уперся подбородком в грудь, он не глядел на луну, он не интересовался землею под собою, он думал о чем-то своем, летя рядом с Воландом».

Воланд и объясняет Маргарите причину этого мрачного молчания: «Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил... его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого прошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал. Но сегодня такая ночь, когда сводятся счета. Рыцарь свой счет оплатил и закрыл!»